

IRINA KAZANTSEVA

ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Для понимания современных процессов взаимодействия христианства и литературы существенна мысль, высказанная в коллективном трехтомном труде А. Л. Казиным:

Так или иначе, *классическая христианская культура преобладала в России вплоть до 1917 года*, (...) после Февраля и Октября мы вступили в период активного социалистического эксперимента, когда в смысловой центр культуры методами революционного насилия вместо Бога был поставлен коллективный человек (партия, класс). (...) фундаментальная антиномия – *тайное религиозное ядро и богоборческая идеологическая трактовка* – пронизывает всю культуру советского периода снизу доверху, с 1917 года до 1991. (Kazin 17-18)

Данное положение фокусирует внимание на предпосылках, определивших ход исследования. Объектом анализа являются формы воплощения культуры-образующей для русской литературы религиозной традиции. Критериями отбора материала стали эстетическая значимость и репрезентативность рассмотренных художественных феноменов. Методология анализа базируется на концептуальных идеях, выработанных в ходе научных дискуссий конца XX века и представленных в работах В. А. Котельникова (Kotel'-

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор – Тверской государственный университет; адрес для почтовых отправок: ул. Хрустальная, 41, корпус 2, кв.87, 170021, Тверь; e-mail: irina10768@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2067-0637>.

KAZANTSEVA IRINA ALEXANDROVNA, Doctor in philology, Professor – Tver State University; correspondence address: 41 Khrustalnaya St., building 2, room 87, 170021, Tver; e-mail: irina10768@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2067-0637>.

KAZANTSEVA IRINA ALEXANDROVNA, doktor filologii, profesor – Twerski Uniwersytet Państwowy; adres do korespondencji: ул. Хрустальная, 41, корпус 2, кв.87, 170021, Тверь, Rosja; e-mail: irina10768@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2067-0637>.

nikov), А. М. Любомудрова (Lyubomudrov), В. В. Лепяхина (Lepakhin), И. А. Казанцевой, С. П. Бельчевичена (Kazanceva & Bel'chevichen). В них обосновывается формирующийся в условиях кризиса литературоведения в конце XX века – начале XXI века категориальный аппарат и инструментарий анализа православных оснований русской прозы. Ключевые типологические категории анализа – творческий метод, жанр, стиль – акцентируют вопрос о детерминированности всех элементов данных систем способом религиозной рефлексии.

Обозначим два вектора развития традиции в русской литературе с 1960-х годов XX века до первой трети XXI века. Аксиология православия, воплощенная в творчестве писателей одного поколения Л. И. Бородина (1938-2011) и В. Г. Распутина (1937-2015), наглядно отражает концептуальную общность между произведениями подцензурного и неподцензурного формата. Система ценностей *деревенской* прозы близка воззрениям Л.И. Бородина, который отмечал: «К *деревенщикам* меня трудно отнести (...). Хотя писателей этого направления ценю и уважаю. (...) Я появился в литературе как бы сбоку, не проходя пути, общего для всех писателей в советский период» (Borodin, *Schitayu sebya rusistom* 558). Отечественная и зарубежная наука многосторонне изучала феномен традиционной литературы (Barysheva, Bol'shakova, Tsvetova, Kurbatov, Parthe, Razuvalova, Sokolova). В большинстве работ (за исключением Razuvalova) отразилась методология, основанная на доминировании эстетических составляющих. Значение традиционного направления сформулировал А.И. Солженицын:

На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошёл не сразу замеченный, беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если б никакого *соцреализма* не было объявлено и диктовано, – нейтрализуя его немо, стала писать *в простоте*, без какого-либо угождения, каждения советскому режиму, как позабыв о нём. (...) Эту группу стали звать *деревенщиками*. (...) Суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушённая вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью. (Solzhenitsyn 186)

Наша задача выявить, насколько типологически близко творчество В.Г. Распутина и Л. И. Бородина, как оно преобразуется после 1990-х, какова история сохранения православного образа русской литературы в сложнейшие для нее советские и постсоветские времена. Исследовательский подход основан на тенденции к феноменологическому осмыслению пред-

мета, что позволяет реализовать комплексное рассмотрение поставленной проблемы путем выбора знаковых фигур, творчество которых в совокупности элементов целостно отражает своеобразие выявляемых форм. В. Г. Распутин представляет деревенскую прозу как направление, наиболее адекватно воплощающее традиционные религиозные основания русской словесности в советское время. Писатель принадлежит к младшему поколению, воспринявшему «манифест» теоретиков, при этом его творчество подытоживает данное художественное явление. Проза Л. И. Бородина являет аксиологически близкую художественную систему, существовавшую в изолированности от официальной литературы, что определяет специфику его метода. Выбор исследуемых феноменов позволяет обозначить механизм взаимодействия аксиологии православия и русской прозы второй половины XX – начала XXI века. Единая основа словесности сказалась в разных ее ветвях, пробивающих себе дорогу к возможности поведать истину о Христе. Поколенческая и географическая общность рождения В. Г. Распутина и Л. И. Бородина отражается в углублении в национально-христианскую природу характеров героев, но существенное различие их судеб и нюансы отношения к советской системе определяют разницу форм сохранения православной основы в светском творчестве. У обоих писателей привязанность к Байкалу определила специфику пейзажа, выраженного в граничащем с пантеизмом одухотворении природы. Онтологически близкая евангельскому пониманию категория детскости включена в аксиологию авторов как наивное восприятие, благодарность преображенному миру, который дети способны воспринимать в первозданной чистоте.

Путь Л. И. Бородина к православию от русской религиозной философии, распространение которой было одним из направлений деятельности антисоветского Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа (1964-1967), активным членом которого был писатель, повлиял на проблематику и поэтику его произведений. В Программе Союза зафиксировано:

И речь идёт не о теократии, но всего лишь о необходимости соотнесения важнейших аспектов общественного и государственного бытия с ориентирами, каковые по сей день никем, кроме марксистов, не оспорены, по крайней мере в той части, в которой они (...) являются концептуальной базой сохранения человеческого рода на уровне коллективной исторической личности. (Borodin, *Bez vybora* 86)

В последнем интервью Л. И. Бородин вспоминал:

Мой личный поворот в Православие на эмоциональном уровне произошёл, когда в 60-х годах в день Николая Чудотворца мы пришли в собор Никольский (...) и попали на чтение и пение акафиста Николаю Чудотворцу, которое исполняется там всем народом. (...) Я был потрясён, я узнал тональности русских песен» (Borodin, *Pechal' nikuda ne uhodit* 649-650)

Не случайным совпадением объяснимо близкое по способу выражения религиозное чувство из позднего рассказа В. Г. Распутина *В больнице* (1995). Родственность воплощена в сильной позиции финала рассказа о разобщенности людей, оказавшихся в одной больничной палате и стране. Песня, которую слышит главный герой после встречи с молодой парой, эмоционально-образно совпадает с авторским внутренним миром:

Полгода потом Алексей Петрович будет искать эту песню, спрашивая в кругу, где могли ее знать, пока однажды вовсе не молодой человек, сверстник Алексея Петровича по возрасту, не расскажет ему о монахе Псково-Печерского монастыря Романе, который сложил и эту песню, а вместе с нею и многие другие для попечения о запущенной русской душе. (Rasputin, *V bol'nice* 42)

В первой своей статье «Христианство как философия сохранения человеческого рода» (1965) Л. И. Бородин писал:

Я вырос атеистом. Случайно мне попала под руку книга Льва Толстого *Критика догматического богословия*, где он критикует догматы Православия. Я сначала выписывал эти догматы, которые критиковал Толстой, но пытался их увидеть в исторической перспективе реальности. И впоследствии для меня это стало главным догматом – христианским, с позиции которого я расценивал все человеческие действия и свои. (Borodin, *Pechal' nikuda ne uhodit* 641)

Возможности неподцензурной публицистики контрастируют с опытом журналистской работы В. Г. Распутина в 1960-е. Л. И. Бородин увлечен после XX съезда КПСС 1956 года идеей реформирования комсомола, его исключают из Иркутского государственного университета за создание кружка *Свободное слово* и басню, в которой через аллегорические образы подвергнут критике Н.С. Хрущев. В.Г. Распутин после окончания этого учебного заведения в 50-60-е активно работает в советской прессе и на телевидении, его деятельность в *Советском комсомольце*, *Красноярском комсомольце*, *Огоньке*, *Комсомольской правде* развивается в русле идеологических стандартов советского общества, но даже в период романтизации советской действительности, он опосредованно в жанрах худо-

жественной публицистики воплощает христианские в своей основе идеи милосердия и прощения. Например, в очерке 1959 года *Страшное позади* (Kairskiy), опубликованном под псевдонимом В. Каирский, В. Г. Распутин с состраданием пишет о судьбе оступившегося бывшего студента. Именно тогда Л. И. Бородин в неподцензурной публицистике видит будущее России в ориентировании на христианские ценности, а в художественных текстах, созданных во время первого лагерного срока (1967-1973), косвенно через элементы фантастики воплощает христианскую картину мира. В.Г. Распутин включает в публицистику элементы нового мифа советских времен. Например, вводит в очерк *Возвращение* (1965) воскресшего героя Великой Отечественной войны Александра Матросова. В первых значительных художественных произведениях В. Г. Распутина *Василий и Василиса* (1967), *Последний срок* (1970), *Прощание с Матерой* (1976) углубленно-психологический анализ корней, проблемы вины, прощения передаются через художественные образы, воспевающие крестьянскую картину мира, уходящую вместе с умирающими стариками и затопляемыми деревнями. В реалистическом освещении быта и психологии старшего поколения органичны фольклорно-мифологические средства, усиленные древнерусской житийной традицией.

Важность крещения в православие для писателей, живущих в СССР, очевидна, а разница путей к нему иллюстрирует судьбу православия в историко-литературном процессе России. Л. И. Бородин принял крещение после первого срока в 1973 году, В. Г. Распутин – в 1980. Официальное признание В. Г. Распутина в 1970-80-е не противоречит православным в основе ценностям, воплощаемым в ином формате, нежели у Л. И. Бородина, произведения которого пришли сначала к зарубежному читателю журнала *Грани* (с 1977 года), издательства *Посев* (с 1978 года) и лишь после второго лагерного срока (1982-1987) были изданы в России.

Общность концепций наглядна в написанных обоими писателями в одно время повестях о детстве. В 1973 году во Владимирской тюрьме, куда он переведен за «неисправимость», Л.И. Бородин создает первый вариант сказки-были *Год чуда и печали*. В художественном тексте через жанровые особенности и элементы фантастики писатель отражает православные основания мировоззрения (Borodin, *God chuda i pechali* 50). Для героя повести, основанной на биографических переживаниях, Байкал – один из источников одухотворения человека, созданного по образу и подобию Божьему. Рассказ-притча *Посещение* (1968-1970) и сказка-быль в 60-70-е годы – наиболее адекватные жанры для отражения православного аксиологического ряда. Они

дают возможность установить оптимальные отношения между мистической и бытовой составляющей. В. Г. Распутин поведает читателю о своем детстве в строго реалистической манере. Характерные для ранней публицистики тенденции романтизации советской действительности отсутствуют в психологической повести *Уроки французского*. Свое произведение Л. И. Бородин считает одним из главных (наряду с философской повестью 1994 г. *Ловушка для Адама*), с точки зрения христианской аксиологии. «Там нет ни одного слова *Бог*, потому что проблема любой религии, а особенно православного мироощущения, – это вина, преступление, раскаяние или чувство вины, чувство покаяния, мести, долга – это всё там есть. И это главное» (Borodin, *Pechal' nikuda ne uhodit* 641). Основа сюжета Л. И. Бородина – история благодарности девочке пережившего чудо влюбленности 12-летнего подростка, у В. Г. Распутина – порожденный чувством вины рассказ выросшего 11-летнего мальчика об учительнице французского, преподававшей нравственные уроки добра и сочувствия к слабому. В основе каждого – христианское чувство любви к человеку, прощения. В. Г. Распутин во вступительной статье к иркутскому переизданию *Года чуда и печали* так оценивает ее: «В условиях далеко не творческих – и вдруг занимательная, красивая, художественно безупречная: тут и фантастика, и философия, и многое другое» (Купуаев 626). Вопрос о причине невозможности прощения, обращенный к Байколле, сопровождается комментарием В. Г. Распутина, в котором обозначена близость поисков прототипа главного героя к его собственным духовным исканиям. «Зрелый правдоискатель, выросший из этого мальчика, форму этого вопроса, конечно, изменил, но при всех переменах, революциях и реформах, случившихся в России и в мире, сам вопрос не снял» (Купуаев 627). В повестях обоих авторов обнаруживается прикровенность темы, свойственная традиционной прозе в вопросах сакральных, концепции сближаются в религиозной трактовке детства. В литературе русского зарубежья воспитанный в дореволюционной России И. С. Шмелев «показывает нам православную Русь – из сердечной глубины верующего ребенка» (П'ин 127). В советском детстве В. Г. Распутина и Л. И. Бородина такой встречи не произошло, но их истории 1970-х, несмотря на внешние условия по отношению к вере в СССР, иллюстрируют возможности сохранения национального ядра. Л. И. Бородин избирает жанр сказки-были, в которой реализуется романтическое начало в пафосе и структурном принципе двоимирия, но не в мировоззрении. Требования к герою у В. Г. Распутина восприняты через традицию, сохраненную старшим поколением, вопреки идеологическому давлению. Она воплощена в мальчишке, как и в иконописных образах старух:

Дарьи (*Прощание с Матерой*), Анны (*Последний срок*), Агафьи (*Изба*). Антропоцентризм цивилизации, подавляющей деревню, а с ней традиционный мир, выливается в плач по заблудшему человеку в диалоге старухи Дарьи из затопляемой Матеры с внуком (Rasputin, *Povesti* 115-122). Реалистический художественный метод с элементами фантастического, фольклорно-поэтических образов сближает обоих авторов, вглядывающихся в детство.

Для В. Г. Распутина путь к крещению в православную веру совершается постепенно после поездки на Куликово поле, в Оптину Пустынь, встречи в Ельце с иеромонахом Нектарием (Овчинниковым), воспринятой как духовное преображение. В 2004 во время VIII Всемирного Русского Собора В.Г. Распутин, обращаясь к истории своего крещения, продолжает близкую ему мысль Л.И. Бородин: «Надо, чтобы храм, Церковь были заложены в человека с раннего детства, с первыми понятиями о мире и жизни» (Rasputin, «*Nado chtoby khram*»). В. Г. Распутин акцентирует внимание на непосредственном чувстве Бога своей бабушки:

Хорошо помню икону, которая была в нашем доме. Потом она, еще при жизни бабушки, куда-то исчезла. И все равно бабушка, а человек она была волевой, сильный (и старуха Дарья, и старуха Анна – это моя бабушка), если чего не так, говорила: *Господь накажет* или *побойтесь Господа*. (...) В деревне у нас кто-то забыл про Бога, а кто-то не забыл» (Rasputin, «*Nado chtoby khram*»)

Л.И. Бородин в мемуарах *Без выбора* (2003) в фрагменте воспоминаний о бабушке писал:

Много мне поведала купеческая дочь, но ни слова о Боге и ни слова о советской власти. Пока она была жива, мы существовали с ней вдвоём в несколько странном национальном поле (...). То было поле духа, но, как понял много позднее, духа всё же ущербного, ибо без высшей явности духа – Духа Свята; о Его присутствии в мире мне поведано не было. (Borodin, *Bez vybora* 9)

Разные источники поворота к православию объясняются поздним приходом, детством и отражаются в единых аспектах христианской проблематики и прикровенности в его отражении.

Тема спасительности веры, тесно слитая с образом мира иного, в поэтике прозы В. Г. Распутина особенно заметна с начала 1980-х и получает зрелое развитие уже в позднем *Видении* (1997), впервые опубликованном в третьем номере журнала *Москва*, главным редактором которого был Л. И. Бородин. Исследователи справедливо отмечали:

Герою *Видения* открывается путь укрепления души, к поиску которого Распутин приступил еще в годы работы над рассказом *Что передать вороне* (1981), где появился персонаж, которого фантазии пятилетней девочки заставили задуматься о существовании *запределья*, почувствовать ненужность *принятых в жизни правил*, ощутить стремление к делам, с которыми *соглашается душа*, чтобы однажды оказаться *на месте, в себе*. (Tsvetova 178-179)

Фактическое соединение двух ветвей, выросших из общего традиционно-православного корня русской культуры, происходит в 1990-е. Тема очередной смуты на Руси и нового раскола близка обоим писателям. В. Г. Распутин отдает ей дань в публицистике (*Смысл давнего прошлого*), Л.И. Бородин, помимо журналистских текстов, создает задуманную еще в лагере и опубликованную в 1996 году историческую повесть *Царица смуты*, в которой дан нетипичный для отечественной традиции образ Марины Мнишек, изображенной с глубоким сочувствием. Его редакторское кредо: *В смутное время нужно делать ставку на идею* (Borodin, *V smutnoye vremya* 574-583). В. Г. Распутин предпримет *хождение во власть*, Л. И. Бородин, освобожденный по амнистии в числе последних политзаключенных в 1987 году, не принимал участия ни в каких политических партиях. Деятельность Л.И. Бородина на посту главного редактора и генерального директора журнала *Москва* в самые тяжёлые для толстых журналов времена (1992-2011) отличала последовательность позиции. Его поздняя публицистика обнаруживает непосредственную связь с ранними неподцензурными текстами, основанными на идее православных ценностей как необходимым условии сохранения России. Встреча писателей в информационном пространстве неизбежна. Концепция журнала *Москва* органично включает публицистику В. Г. Распутина. Закономерно, что начало *Беседам о русской культуре* положено интервью с В. Г. Распутиным, который, отвечая на вопросы о сохранении русского стиля в советское время, говорил:

Обезбоженность народа тяжело сказалась и на русской душе, и на русском сознании. После разорительной атеистической эпохи сразу включить православное мироощущение удастся далеко не всем. Иначе и быть не могло. (...) Дело теперь, как правило, не в желании или нежелании, а в той работе, которая требуется, чтобы очистить душу от старого непотребства и спасти от непотребства нового, истовая и бережная, как в реанимации, молитва к ней: *Восстань, душе моя!* Поэтому на пути к Богу русскому стилю быть прощательно, а на пути от Бога – нет. Соединенность в христианских заветах, быть может, единственная наша оборона от *духов злобы поднебесной*. Все остальное для спасения – отсюда. (Rasputin, *Vosstan', dushe moya* 115)

Отражение судьбы православия в России иллюстрирует, как разные пути к христианству сходятся в годы смуты в общих воззрениях на роль интеллигенции. Для В. Г. Распутина *духоотеческая* интеллигенция – святые – это основа нравственности (Rasputin, *Rossiya: dni i vremena*), что близко публицистике Л. И. Бородина от 60-х до рубрики *Страничка главного редактора*, выражавшего концепцию журнала *Москва*. В художественных образах повести *Ловушка для Адама* Л. И. Бородин обращается к апокалиптическому сюжету на материале реальности 1990-х. Масштаб обобщения задан уровнем библейской образности, сходство взглядов отразилось в разных способах их выражения: углубленном психологическом автоанализе В. Г. Распутина, в использовании вторичной условности Л. И. Бородиным.

Произошло совпадение путей, как и слияние искусственно разделенной литературы. Итогом творческой деятельности обоих писателей по влиянию на литературный процесс вплоть до начала XXI века стало возрождение слова в новой русской литературе:

Внутри литературного процесса, каковой, как и все на одной шестой, корчился в судорогах распада, расслоения, перерождения, зримым и ощутимым при всем том обнаружился фактор сопротивления распаду», который определил выживание литературы в новейшее время «когда она в той или иной форме признала свое ученичество у великой русской литературы». (Borodin, «Slovo na vruchenii premii Solzhenitsyna»)

Сказанное можно отнести к самому Л.И. Бородину и В.Г. Распутину.

Таким образом, непрерывность православной традиции засвидетельствована как в неподцензурном формате, так и в текстах, издаваемых в СССР. Общность двух векторов по сохранению глубинного ядра русской словесности определяется преемственностью авторов XX – XXI века с творчеством классиков XIX столетия и древнерусскими источниками, что выразилось в прикровенности темы, опосредованном выражении православного мироощущения через доминирующую проблематику, фольклорные и христианские образы и мотивы, жанровые предпочтения. Различия наглядно отражают возможности эстетического освоения действительности при любых идеологических условиях и показывают перспективы реалистического метода. Приход к православию от религиозной философии (Бородин) или народного варианта христианства (Распутин) и разные форматы их творчества в середине прошлого века определили специфику художественного воплощения христианской основы литературы. Для Л.И. Бородина характерно обращение к публицистике для выражения христианских взглядов на всех

этапах творчества, в художественных произведениях он не декларирует идеи, а использует формы вторичной условности, которые органичны для его реалистического метода, и жанры притчи, сказки-были. В. Г. Распутин к прямому слову публицистики как способу выражения христианского мироощущения приходит в позднем творчестве, в раннем – воспроизводит в жанре психологической повести и рассказа глубинные пласты крестьянской (христианской) психологии своих героев. В его поздних текстах значительно уменьшаются элементы вторичной условности, чаще прибегает к прямому публицистическому высказыванию, определяя условия для сохранения русской культуры. В последнее десятилетие характерен автоанализ, запечатлевший в прозе рефлексию о цели и смысле. Две формы воплощения христианской традиции в творчестве каждого из авторов представляют характерные тенденции литературы в проанализированном аспекте. Общие ценности обеих линий проявляются в трактовке евангельской детскости, исторической традиции, прощении, отсутствии в прямом слове реакции на посещения святых.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Barysheva, Ol'ga Aleksandrovna. *Khristianskiye i narodno-poeticheskiye motivy v khudozhestvennom mire prozy V.G. Rasputina*. Kandidatskaya dissertatsiya. Kostromskoy gosudarstvennyy universitet, 2010 [Барышева, Ольга Александровна. *Христианские и народно-поэтические мотивы в художественном мире прозы В.Г. Распутина*. Кандидатская диссертация. Костромской государственный университет, 2010].
- Bol'shakova, Alla Yur'yevna. *Fenomen derevenskoy prozy: Vtoraya polovina XX veka. Doktorskaya dissertatsiya*. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet, 2002 [Большакова, Алла Юрьевна. *Феномен деревенской прозы: Вторая половина XX века*. Докторская диссертация. Московский государственный университет, 2002].
- Borodin, Leonid Ivanovich. «Slovo na vruchenii premii Solzhenitsyna» [Бородин, Леонид Иванович. «Слово на вручении премии Солженицына»], rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/denliteraturyi/3a/j1.html. Доступ 12.05.2021.
- Borodin, Leonid Ivanovich. «Bez vybora». *Sobraniye sochineniy*. Т. 6. Izdatel'stvo zhurnala Moskva, 2013, ss. 5-430 [Бородин, Леонид Иванович. «Без выбора.» *Собрание сочинений*. Т. 6. Издательство журнала Москва, 2013, сс. 5-430].
- Borodin, Leonid Ivanovich. «God chuda i pechali.» *Sobraniye sochineniy*. Т. 1. Izdatel'stvo zhurnala Moskva, 2013, ss. 23-156 [Бородин, Леонид Иванович. «Год чуда и печали.» *Собрание сочинений*. Т. 1. Издательство журнала Москва, 2013, сс. 23-156].
- Borodin, Leonid Ivanovich. «Pechal' nikuda ne ukhodit.» *Sobraniye sochineniy*. Т. 7. Izdatel'stvo zhurnala Moskva, 2013, ss. 649-650 [Бородин, Леонид Иванович. «Печаль никуда не уходит.» *Собрание сочинений*. Т. 7. Издательство журнала Москва, 2013, сс. 635-651].

- Borodin, Leonid Ivanovich. «Schitayu sebya rusistom». *Sobraniye sochineniy*. Т. 7. Izdatel'stvo zhurnala *Moskva*, 2013, ss. 558-573 [Бородин, Леонид Иванович. «Считаю себя русистом». Собрание сочинений. Т. 7. Издательство журнала *Москва*, 2013, сс. 558-573].
- Borodin, Leonid Ivanovich. «V smutnoye vremya nuzhno delat' stavku na ideyu.» *Sobraniye sochineniy*. Т. 7: Izdatel'stvo zhurnala *Moskva*, 2013, ss. 574-583 [Бородин, Леонид Иванович. «В смутное время нужно делать ставку на идею.» *Собрание сочинений*. Т. 7. Издательство журнала *Москва*, 2013, сс. 574-583].
- Il'in, Ivan Aleksandrovich. *Sobraniye sochineniy*. Т. 6, kniga 2. Russkaya kniga, 1996 [Ильин, Иван Александрович. *Собрание сочинений*. Т. 6, книга 2. Русская книга, 1996].
- Kazantseva, Irina Aleksandrovna, & Bel'chevichen, Sergey Petrovich. *Pravoslavnyye tsennosti v russkoy proze XX – XXI vv.* Ч. 1. Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 2016 [Казанцева, Ирина Александровна, и Бельчевичен, Сергей Петрович. *Православные ценности в русской прозе XX – XXI вв.* Ч. 1. Тверской государственный университет, 2016].
- Kazin, Aleksandr Leonidovich. «Religiya i kul'tura v russkoy pravoslavnoy tsivilizatsii.» *Sud'by russkoy dukhovnoy traditsii v otechestvennoy literature i iskusstve XX – nachala XXI veka. 1917-2017*. Seriya: Tsennostnyye osnovaniya i struktura khudozhestvennogo proizvedeniya v smyslovom prostranstve russkoy kul'tury. Т. 1. Aleteya, 2016, ss. 10-28 [Казин, Александр Леонидович. «Религия и культура в русской православной цивилизации». *Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века. 1917-2017*. Серия: Ценностные основания и структура художественного произведения в смысловом пространстве русской культуры. Т. 1. Алетея, 2016, сс. 10-28].
- Kairskiy, V. «Strashnoye pozadi.» *Sovetskaya molodezh'*, n. 238 (3 dekabrya), 1959, s. 3 [Каирский, В. «Страшное позади.» *Советская молодежь*, № 238 (3 декабря), 1959, с. 3].
- Kotel'nikov, Vladimir Alekseyevich. *Pravoslavnyye podvizhniki i russkaya literatura. Na puti k Optinoy*. Progress-Pleyada, 2002 [Котельников, Владимир Алексеевич. *Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной*. Прогресс-Плеяда, 2002].
- Kunyayev, Sergey Stanislavovich. «Primechaniya.» *Sobraniye sochineniy Borodina*. Т. 1. Izdatel'stvo zhurnala *Moskva*, 2013, ss. 625-633 [Куняев, Сергей Станиславович. «Примечания». *Собрание сочинений Бородина*. Т. 1. Издательство журнала *Москва*, 2013, сс. 625-633].
- Kurbatov, Valentin Yakovlevich. *Valentin Rasputin: Lichnost' i tvorchestvo*. Sovetskiy pisatel', 1992 [Курбатов, Валентин Яковлевич. *Валентин Распутин: Личность и творчество*. Советский писатель, 1992].
- Lepakhin, Valeriy Vladimirovich. *Ikona i ikonichnost'. Uspenskoye podvor'ye Optinoy Pustyni*, 2002 [Лехахин, Валерий Владимирович. *Икона и иконичность. Успенское подворье Оптиной Пустыни*, 2002].
- Lyubomudrov, Aleksey Markovich. *Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya: V.K. Zaytsev, I.S. Shmelev*. Dmitriy Bulanin, 2003 [Любомудров, Алексей Маркович. *Духовный реализм в литературе русского зарубежья: В.К. Зайцев, И.С. Шмелев*. Дмитрий Буланин, 2003].
- Parthe, Kathleen F. *Russian Village Prose: Radiant Past*. Princeton University Press, 1992.
- Razuvalova, Anna Ivanovna. *Pisатели-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov*. Novoye literaturnoye obozreniye, 2015 [Разувалова, Анна Ивановна. *Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов*. Новое литературное обозрение, 2015].

- Rasputin Valentin Grigor'yevich. «Nado chtoby khram, Tserkov' byli zalozheny v cheloveka...», [Распутин Валентин Григорьевич. «Надо чтобы храм, Церковь были заложены в человека...», pravoslavnye.org.ua/2004/03/valentin_rasputin_nado_chtobi_hram_tserkov_bili_za_lozheni_v_cheloveka_s_rannego_detstva_s_pervimi_ponyatiyami_o_mire_i_zhizni/]. Доступ 2.05.2021.
- Rasputin, Valentin Grigor'yevich. *Povesti*. Molodaya Gvardiya, 1980, ss. 13-195 [Распутин, Валентин Григорьевич. *Повести*. Молодая Гвардия, 1980, сс. 13-195].
- Rasputin, V[alentin] G[rigor'yevich]. *Rossiya: dni i vremena*. Izdatel'stv zhurnala *Sibir'*, tovarishchestvo *Pis'mena*, 1993 [Распутин В. Г. Россия: дни и времена. Издательство журнала *Сибирь*, товарищество *Письмена*, 1993].
- Rasputin, Valentin Grigor'yevich. «V bol'nitse». *Nash sovremennik*, no. 4. 1995, ss. 24-42 [Распутин, Валентин Григорьевич. «В больнице». *Наш современник*, № 4, 1995, сс. 24-42].
- Rasputin, Valentin Grigor'yevich. «Vosstan', dushe moja». *Moskva*, no. 2, 1994. ss. 112-115 [Распутин, Валентин Григорьевич. «Восстань, душе моя». *Москва*. № 2, 1994, сс. 112-115].
- Sokolova, Larisa Vasil'yevna. *Dukhovno-nravstvennyye iskaniya pisateley-traditsionalistov vtoroy poloviny XX veka (V. Shukshin, V. Rasputin, V. Belov, V. Astaf'yev)*. Doktorskaya dissertatsiya. Institut Russkoy Literatury (Pushkinskiy Dom) RAN, 2005 [Соколова, Лариса Васильевна. *Духовно-нравственные искания писателей-традиционалистов второй половины XX века (В. Шукшин, В. Распутин, В. Белов, В. Астафьев)*. Докторская диссертация. Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2005].
- Solzhenitsyn, Aleksandr Isayevich. «Slovo pri vruchenii premii Solzhenitsyna Valentinu Rasputinu 4 maya 2000». *Novyy mir*, no. 5, 2000. ss. 186-189 [Солженицын, Александр Исаевич. «Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000». *Новый мир*, № 5, 2000, сс. 186-189].
- Tsvetova, Natal'ya Sergeevna. *Eskhatologicheskaya topika russkoy traditsionnoy prozy vtoroy poloviny XX veka*. Izdatel'stvo Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008 [Цветова, Наталья Сергеевна. *Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX века*. Издательство Петербургского государственного университета, 2008].

ФОРМЫ ВОПЛОЩЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
– НАЧАЛА XXI ВЕКА

Р е з ю м е

В статье показано, что судьба христианской традиции в официальной и неподцензурной литературе России 60-80-х годов объясняет логику современного литературного процесса. Анализ эволюции жанра, метода и стиля прозы Леонида Бородина и Валентина Распутина – традиционалистов, в разных формах сохранявших христианскую направленность своих произведений на всех этапах творчества, – позволяет сделать выводы о преемственности православной традиции в русской литературе второй половины XX – начала XXI веков. Имманентные закономерности литературного процесса определили взаимосвязь между уровнями религиозной традиции и поэтикой произведений. Для неподцензурной литературы характерно преимущественное использование прямого публицистического слова; после 90-х годов публицистические жанры в соответствии со своей внутренней логикой

становятся адекватной формой поддержания целостности общества, а художественные произведения продолжают имплицитно воплощать сакральные ценности. Для творчества Бородина характерно обращение к таким формам условности и жанрам, как фантастические элементы, мифы, притчи, сказки; проза Распутина отмечена усилением фольклорного элемента, психологизма, рефлексии. Оба писателя в разных формах развивают возможности реалистического художественного метода на общей аксиологической основе, иллюстрируя пути сохранения христианской традиции.

Ключевые слова: жанр; журналистика; русская литература; стиль; христианская аксиология; художественный метод.

FORMY AKSJOLOGII CHRZEŚCIJAŃSKIEJ
W LITERATURZE ROSYJSKIEJ DRUGIEJ POŁOWY XX WIEKU
I POCZĄTKU XXI WIEKU

Streszczenie

Autorka artykułu dowodzi, że los tradycji chrześcijańskiej w oficjalnej i niecenzurowanej literaturze Rosji lat 60-80. XX wieku wyjaśnia logikę nowoczesnego procesu literackiego. Analiza ewolucji gatunku, metody i stylu L. I. Borodina i W. G. Rasputina – tradycjonalistów, którzy w różnych formach zachowują chrześcijańską orientację swoich utworów na wszystkich etapach twórczości – pozwala na wyciągnięcie wniosków o ciągłości tradycji prawosławnej w literaturze rosyjskiej drugiej połowy XX i początku XXI wieku. Immanentne prawidłowości literatury określają relacje między poziomami tradycji religijnej a poetyką utworów. Literatura niecenzurowana charakteryzuje się dominującym użyciem bezpośredniego słowa publicystycznego; po latach 90. gatunki publicystyczne, zgodnie ze swoją wewnętrzną logiką, stają się adekwatną formą zachowania integralności społeczeństwa, a wartości sakralne są nadal *implicite* ucieleśniane w dziełach literatury pięknej. Twórczość L. I. Borodina charakteryzuje się wykorzystaniem takich form konwencji i gatunków, jak fantastyka, mit, przypowieść i bajka; prozę W. G. Rasputina cechuje psychologizm i refleksyjność. Obaj pisarze w różnych formach rozwijają możliwości metody sztuki realistycznej o wspólnych podstawach aksjologicznych, ilustrując sposoby zachowania tradycji chrześcijańskiej.

Słowa kluczowe: gatunek; publicystyka; literatura rosyjska; styl; aksjologia chrześcijańska; metoda artystyczna.

FORMS OF CHRISTIAN AXIOLOGY IN THE RUSSIAN LITERATURE
OF THE SECOND HALF OF THE 20th AND THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

S u m m a r y

This article reveals that the destiny of the Christian tradition in censored and non-censored literature in Russia in the 1960-1980s explains the logic of the contemporary literary process. The analysis of the evolution of the prose genre, method, and style of Leonid Borodin and Valentin Rasputin – traditionalists of different types who preserved the Christian orientation of their works at all stages of their creativity – allows us to draw conclusions about the continuity of the Orthodox tradition in Russian literature in the 20th and 21st centuries. The immanent regularities of the literary process determined the relationship between the peculiarities of the religious tradition and the poetics of the

literary works. The predominant use of the straightforward publicist word is characteristic of non-censored literature; after the 1990s, journalistic genres, in accordance with their internal logic, become an adequate form of maintaining the integrity of society, and works of fiction continue to implicitly embody sacred values. Borodin's work is characterised by an appeal to such forms of conventionality and genres as fantastic elements, myths, parables, and fairy tales; Rasputin's prose is marked by an enhanced folklore element, psychology, and reflection. Both writers develop, in different forms, the possibilities of a realistic artistic method with a common axiological basis, illustrating ways of preserving the Christian tradition.

Keywords: genre; journalism; Russian literature; style; Christian axiology; artistic method.